

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ШТРИХИ И ФАКТЫ К ПОРТРЕТУ Н.П. КАРАДЖЕ-ИСКРОВА (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИДНОГО УЧЕНОГО-АДМИНИСТРАТИВИСТА)

© 2016 г. Константин Степанович Бельский¹

В статье анализируются научная деятельность Н.П. Карадже-Искрова и его последние трагические годы.

The article analyzes the scientific activities of N. P. Karaj-Iskrov and his last tragic years.

Ключевые слова: Н.П. Карадже-Искров, Советское государство, публичные вещи, публичные права граждан, новые факты.

Key words: N. P. Karaj-Iskrov, the Soviet state, public things, public rights of citizens, new facts.

Скитальческие годы с остановкой в Москве. В 2016 г. (8 января) исполнилось 120 лет со дня рождения видного отечественного ученого-административиста Николая Павловича Карадже-Искрова, человека трагической судьбы, непреклонной научной честности, рано ушедшего из жизни и не сказавшего в науке административного права того, что он мог сказать как ученый. В 1996 г. в столетний юбилей ученого мы написали статью о нем в журнале “Государство и право”². Теперь хотели бы не только бегло повторить некоторые фрагменты предыдущей статьи, но и дополнить сказанное новыми знаниями о нем.

В кратком жизнеописании, которое имеется в личном деле Карадже-Искрова, хранящемся в архиве Института государства и права РАН, он сообщал о себе: “Родился в 1896 году в г. Кишиневе, по происхождению мещанин. Русский. Отец мой умер в том же году. Через несколько лет я лишился матери. Окончил с золотой медалью Одесскую 4-ю гимназию в 1914 году, юридический факультет там же в 1918”³. Уже в гимназии у мальчика обнаруживается интерес к праву, истории, а также к языкам, для успешного изучения и общения на которых в Одессе с самого

возникновения города сформировалась подходящая среда: существовали диаспоры французов, итальянцев, немцев и англичан. Состоятельные родственники создали все условия для того, чтобы Карадже-Искров с детских лет мог свободно владеть основными европейскими языками, закончить гимназию первым учеником и поступить в 1914 г. в Новороссийский университет на юридический факультет.

Из всех дисциплин, по которым читались курсы лекций и проводились семинарские занятия на юридическом факультете, самый большой интерес для него вызывали две: административное право и гражданское право. Они представляли для пытливого студента два полюса, взаимообуславливающие друг друга: одно наиболее полно воплощало в себе публичное право, второе – частное.

Получив после окончания университета в 1918 г. диплом 1-й степени, Карадже-Искров был оставлен на юридическом факультете для подготовки к профессорскому званию. Но написать диссертацию и подготовиться к профессорскому званию не удалось. В 1920 г. Одесса была занята красными. В городе начались события, хорошо описанные И.А. Буниным в книге “Окаянные дни”, содержащей дневниковые записи, которые он вел в Москве и Одессе с 1918 по 1920 г. Окаянство вершилось на глазах Карадже-Искрова. В одном из декретов было сказано: “Вся буржуазия берется на учет”. Он – из состоятельной, но порядочной и честной семьи. Профессора, которые его учили, тоже, видимо, на учете ЧК, а затем ОГПУ. Появляется мысль уехать подальше от Одессы.

¹ Профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (+7 (499) 461-99-72).
Konstantin Bel'sky, professor of Financial Law at the Russian Academy of justice, Doctor of Law, Professor (+7 (499) 461-99-72).

² Бельский К.С. Идея и трагедия большого ученого-административиста (К 100-летию со дня рождения Н.П. Карадже-Искрова) // Гос. и право. 1996. № 3.

³ Архив ИГП РАН. Личное дело Н.П. Карадже-Искрова. Л. 17.

В 1926 г. Николай Павлович, проработав несколько лет в Одесском институте народного хозяйства (ОИНХ), покидает город и почти в течение 15 лет ведет кочевой образ жизни, меняя города и работу: преподает административное право в Иркутском государственном университете, в Ашхабаде работает в правовом отделе Правительства Туркмении. В начале 30-х годов он переезжает в Москву. За неимением места преподавателя в вузах столицы занимает должности юрисконсульта в различных наркоматах.

Только в 1940 г. после ряда жизненных неприятностей и невзгод Карадже-Искров принимает в Институт права АН СССР, сначала на почасовую, а затем штатную работу. Научно-исследовательская атмосфера в Институте права – это его стихия, здесь у него расправляются крылья. Тем не менее Николая Павловича приняли в Институт права не сразу, с трудом, причем у руководства учреждения для этого были свои причины.

Научная деятельность в 20–30-е годы. Работая в Иркутском государственном университете, Карадже-Искров издает три небольших по объему работы: “Публичные вещи” (1927); “Новейшая эволюция административного права” (1927); “К вопросу о праве государства на землю” (1928). Первая вышла под редакцией известного цивилиста Б.Б. Черпахина. Книга “Публичные вещи”, по словам самого автора, была лишь первым выпуском задуманного большого труда, в котором намечалось исследование законодательства важнейших западноевропейских стран и Советской России, их сопоставление и выводы⁴. Методом сравнительного правоведения Карадже-Искров владел в совершенстве вследствие знания основных европейских языков и, соответственно, западноевропейского и американского права, что нередко ставило его на голову выше многих коллег по научной работе и являлось предметом зависти. Вторая и третья работы были продолжением “Публичных вещей” и составляли одно целое.

Причины выбора в качестве предмета исследования публичного вещного права, думается, разные. Прежде всего сама проблема была слабо освещена в науке как административного, так и гражданского права. Известный ученый-административист И.И. Евтихийев еще в 1916 г. писал: “До сих пор в русской юридической литературе не имеется строго выработанной конструкции

публичного вещного права”⁵. С другой стороны, молодой Карадже-Искров после окончания университета вступил в жизнь, когда была осуществлена национализация всей хозяйственной деятельности, а частная собственность превратилась в мир публичных вещей. Обзор написанного Карадже-Искровым свидетельствует о том, что он исследует три публично-правовых категории: Советское государство, публичные вещи, публично-правовой статус советских граждан.

Становление Советского государства автор тесно связывает с эволюцией советского административного права. Первый этап эволюции характеризуется разрушением старого строя. Пришедшие к власти большевики использовали для этого децентрализацию законодательства и управления⁶. Местные органы самостоятельно объявляли мобилизацию, проводили конфискацию имущества у состоятельных классов, устанавливали налоги. Об этом свидетельствует постановление Совнаркома от 23 ноября 1917 г.⁷

На втором этапе эволюции административного права большевики вводят социалистический уклад жизни. По словам Карадже-Искрова, “государственная власть берет на себя организацию всей хозяйственной и культурной жизни страны”⁸. Вводится всеобщая трудовая повинность, и даже частные хозяйственные организации подчиняются плановым нарядам государства (кустарям) и посевному плану в сельской местности (крестьяне). Такое расширение планового начала означало необычайное развитие административного права и крайнее стеснение частного оборота. С иронией он говорит о том, что на съезде советских юристов в 1920 г. не было найдено ни одного примера “частноправового отношения, кроме найма пастуха в деревне”⁹.

На третьем этапе данный процесс огосударствления всей хозяйственной и культурной жизни достигает такого апогея к началу 1921 г., “что осуществление социализма казалось уже совсем близким”. Карадже-Искров приходит к интересному выводу: “Административное право начинало делаться синонимом советского права вообще”¹⁰.

⁵ Евтихийев И.И. Теория публично-вещного права (Обзор литературы) // В кн.: Вопросы административного права / Под ред. А.И. Елистратова. Кн. 1. М., 1916. С. 144.

⁶ См.: Михайлов Г. Децентрализация и централизм // Сов. строительство. 1926. № 3–4. С. 134.

⁷ См.: Собрание узаконений. 1917. № 3. Ст. 47.

⁸ Карадже-Искров Н.П. Новейшая эволюция административного права. Иркутск, 1927. С. 22.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

⁴ См.: Карадже-Искров Н.П. Публичные вещи / Под ред. Б.Б. Черпахина. Вып. 1. Сер. научных монографий. Иркутск, 1927. С. VII.

На такой основе возникает, развивается и усиливается административно-командное государство, которое коммунисты называют социалистическим. Используя метод сравнительного правоведения, Карадже-Искров начинает анализ социалистического государства с констатации того, что на земле, точнее в Европе, возникли два типа государств: западное и восточное, коммунистическое. Если основным принципом западноевропейских государств являются разделение властей и самостоятельное функционирование законодательной и исполнительной ветвей власти, то устройство Советского государства данный принцип отрицает. Ленин как марксист строит государство по Марксу, по модели Парижской коммуны, которая, как отмечал Маркс в работе «Гражданская война во Франции в 1871 году», была «работающей корпорацией, в одно и то же время законодательствующей и исполняющей законы»¹¹.

Для такого государства характерно не только тяготение к беспредельной власти, но и к огосударствлению всей хозяйственной деятельности, т.е. отмене частной собственности и превращению ее в публичную. В западном мире общим правом считается право частное, а публичное представляется исключением. В противоположность государствам западного мира в восточном, коммунистическом, мире действует другое начало – общим правом является публичное, а гражданское играет, по существу, ничтожную роль, существуя лишь формально.

Особое место в понимании Советского государства Карадже-Искров отводит категории «публичные вещи». Рассуждая о публичных вещах, он приходит к выводу, что ни в одной буржуазной стране нет такого огромного количества публичных вещей, как в СССР. В этих странах публичными вещами является имущество, необходимое для использования его всеми гражданами страны (дороги, мосты, площади, берега рек и озер), а также имущество, необходимое государству для выполнения им своих функций (здания министерств, полицейские и военные объекты и т.д.). «Если на западе публичные вещи тонут в массе частных, то у нас положение совершенно другое»¹², – писал Карадже-Искров, отмечая при этом, что в СССР фактически все стало относиться к публичным вещам: земля, недра, леса, воды, фабрики, обувные мастерские, мастерские по ремонту часов, ателье и т.д. «От частноправовых отношений не

осталось и следа»¹³. И вообще, что касается частной собственности, то «наша конституция стремится к ее полной отмене, и к замене понятием «личная собственность»»¹⁴.

В вопросе о публичных вещах Карадже-Искров занимает позицию, сходную с позицией видного немецкого цивилиста Г. Дернбурга, видевшего в публичных вещах собственность государства, видоизмененную благодаря особому назначению этих вещей. В СССР это особое назначение проявляется: 1) в особой связи публичных вещей с государством; 2) публичные вещи предназначены для публичного пользования; 3) в их более высоком статусе сравнительно с частными или личными вещами; 4) в том, что государство поставило публичные вещи вне оборота, объявило свое право на них неизменным, неприкосновенным и тотальным, т.е. распространяющимся на всю страну. «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»¹⁵, – писал глава Советского государства В.И. Ленин в 1922 г. Подобный статус публичных вещей ставил всех работоспособных граждан в особо зависимое положение от государства, превращая его в единственного работодателя, а гражданина – в публичную вещь, по Аристотелю, в говорящее орудие (*instrumentum vocale*).

Любое государство господствует над людьми, что выражается в понятии *imperium*. Западное правовое государство господствует над гражданами с целью охраны их естественных и неотчуждаемых прав и среди них главного права – права собственности. В Советском государстве человек занимает другое положение. Карадже-Искров пишет: «Следует постоянно помнить, что у нас личность не является чем-то самоценным. Она есть лишь винтик огромной машины. Поэтому и обеспечение ее прав стоит на втором месте». И еще один пассаж: Советское государство «не склонно выдвигать на первый план личность. Наоборот, оно рассматривает отдельных лиц как средство для достижения своих целей»¹⁶.

Вместе с тем, утверждает Карадже-Искров, у советских граждан есть субъективные публичные права: право жалобы на действия должностных лиц; право избирать депутатов в Советы различных уровней власти; право принимать участие в отправлении религиозных культов. Но эти права

¹³ Карадже-Искров Н.П. Новейшая эволюция административного права. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Ленин В.И. Соч. Изд. 3-е. Т. 29. М., 1935. С. 419.

¹⁶ Карадже-Искров Н.П. Новейшая эволюция административного права. С. 29, 30.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 346.

¹² Карадже-Искров Н.П. Публичные вещи. С. VII.

декларируются государством в собственных интересах. Например, таким субъективным публичным правом является право жалобы гражданина на превышение власти должностным лицом. Эти права не столько защищают положение личности, сколько опосредовано укрепляют государственную власть. Во-первых, органы, куда направляются жалобы на неправильные действия должностных лиц, не всегда могут отменять обжалуемые акты. Во-вторых, основная цель учреждений, куда направляются жалобы, — не защита прав и интересов частных граждан, но рассмотрение таких жалоб как вид информации “о неправильностях функционирования государственного механизма”¹⁷. Положение и характеристика советского гражданина в работах, изданных в 20-е годы, таковы, что автор подводит читателя к выводу не прямо, но косвенно: граждане в СССР — это тоже публичные вещи, которыми государство может распоряжаться по своему усмотрению.

Скандалная рецензия в журнале “Советское государство”. С началом индустриализации и коллективизации сельского хозяйства партийные власти на московском олимпе стали проводить идею, что “политика выше права”. В 1927–1928 гг. началось наступление на юриспруденцию, что выразилось в нападках партийной и советской печати на государственное, административное и финансовое право, нормы которых регулировали организационно-управленческие отношения в промышленности и налоговые отношения в сельском хозяйстве. В 1927 г. руководитель советской юридической науки и директор Института советского строительства (в 30-е годы превратится в Институт права) Е. Б. Пашуканис выступил с критикой ученых-административистов “старой” классической школы: А. И. Елистратова, А. Ф. Евтихьева, В. Л. Кобалевского и др., обвиняя их в непонимании пролетарского государства и в силу этого в неспособности “перестроить на соответствующий лад инструментарий своих юридических определений”. Критика завершалась своеобразным пожеланием: “Советское административное право еще ждет своего теоретика — вот вывод, который приходится сделать по обозрению имеющихся на эту тему работ. Критический пересмотр буржуазных конструкций — вот с чего придется здесь начать”¹⁸.

В 1928–1931 гг. административное право исключается как дисциплина из учебных программ юридических факультетов и как научная дисциплина

переживает кризис, длящийся до конца 30-х годов. В эти годы книги по административному праву не издаются, статьи не печатаются в юридических журналах. Наблюдается “бегство” видных ученых из этой науки. А. И. Елистратов в 1928 г. уходит на пенсию; В. Л. Кобалевский начинает заниматься научными исследованиями по коммунальному хозяйству; В. Н. Дурденевский оставляет науку административного права и приглашается на работу в Наркомат иностранных дел; научные интересы И. И. Евтихьева отодвигаются от административного права к менее политизированной отрасли — земельному праву; А. Ф. Евтихьев и М. Д. Загряцков, как ученые, умолкают.

Но Николай Павлович не перестраивается, остается верным выбранной науке. В 30-е годы ему постоянно заказывают статьи по различным вопросам советского и зарубежного права редакции Большой и Малой советских энциклопедий. Он — один из немногих ученых-юристов, кто постоянно публикует статьи в зарубежных изданиях, так как научные связи между СССР и другими европейскими странами налажены с середины 20-х годов, что является важной заслугой Е. Б. Пашуканиса и П. И. Стучки, руководивших советской юридической наукой. В 1928 г. в Париже вышла работа Карадже-Искрова “Публичные вещи в римском праве”, издаются труды в Италии, Чехословакии, Германии. Эта научная одиссея по европейским странам завершилась скандалом в 1937 г.

В 1936 г. солидный и старейший (выходил с 1801 г.) немецкий “Ежегодник публичного права”¹⁹, который имел широкую европейскую известность и публиковал сочинения крупных ученых-юристов Западной Европы и США, поместил монографическую работу Карадже-Искрова “Административное право в Советском Союзе (России) с 1917 г.” (*Das Verwaltungsrecht in der Sowjetunion (Russland) seit 1917*). Сочинение, по объему составлявшее 12–13 п.л., представляло собой изложение положений, которые содержались в “Новейшей эволюции административного права”, с присоединением к ним Особенной части. Монография Карадже-Искрова, как, впрочем, все другие его работы, была издана с разрешения властей по линии международных научных связей, которые в 30-х годах продолжал контролировать Е. Б. Пашуканис, сохраняя политический и научный вес до января 1937 г.

Материал в работе излагался в обычном для Карадже-Искрова стиле, который соединял в себе

¹⁷ Там же. С. 30.

¹⁸ Пашуканис Е. Б. Обзор литературы по административному праву // Революция права. 1927. № 3. С. 177.

¹⁹ Jahrbuch des öffentlichen Recht. Band 23. Tübingen, 1936. S. 136–261.

ясность мышления с простотой изложения, “фотографический” показ наблюдаемой в СССР правовой действительности с элементами некоторой лояльности к правящему режиму, но без верноподданнических чувств. И еще один штрих: для стиля Карадже-Искрова характерна скрытая ирония – внутреннее отрицание излагаемых положений, притворно облакаемых в форму согласия. По крайней мере так думается, читая его. Сочинение завершалось Приложением, в котором содержался проект Конституции СССР 1936 г., подписанный в Кремле 11 июня 1936 г. председателем ВЦИК М.И. Калининым²⁰. Отсюда можно полагать, что монография, завершенная автором в июне 1935 г., вместе с Приложением была передана в тюбингенский Ежегодник где-то летом или осенью 1936 г.²¹

В Особенной части монографии освещалось правовое положение в СССР церкви, прессы, искусства, общественных организаций, характеризовалось жилищное дело, паспортная система, народное образование. Особое место занимал в монографии § 9, в котором давалась характеристика публичных прав и обязанностей советских граждан²².

В мартовско-апрельском номере ведущего юридического журнала “Советское государство” за 1937 г. последовала реакция на монографию Карадже-Искрова – появилась скандальная и, по сути, анонимная рецензия под названием “Административное право в фашистском изложении”, подписанная тремя буквами Б.Р.С.²³

Название рецензии показывало, какую политическую оценку получил труд Николая Павловича. Автора монографии рецензенты не жалели, используя такие выражения, как “подлый клеветник Карадже-Искров”, “холопское пресмыкательство перед фашистскими хозяевами”, “осведомитель по вопросам советского права” и т.п. Автор, по словам рецензентов, протаскивал антисоветскую систему взглядов, изложенную им в работе “Новейшая эволюция административного права”. Однако если в 20-х годах он излагал свое “credo”

в Иркутске, то в 30-х вышел на международную арену. Главное, чего рецензенты не могли простить ученому, – это отрицание “подлинных прав и свобод” советских граждан. По Карадже-Искрову, утверждали рецензенты, бесправный советский гражданин обременен тяжелым грузом многочисленных обязанностей и живет в условиях режима исключительного положения. Подгонял рецензентов тот факт, что, критикуя автора монографии, они обыгрывали текст принятой в 1936 г. Конституции СССР, в которой нашли место публичные права граждан.

Дело в том, что с середины 30-х годов официальная идеология в СССР перестала рассматривать советского гражданина как винтик в механизме “диктатуры пролетариата”. Опасаясь гитлеровской Германии, Сталин, лавируя, решил для установления более тесных контактов с западными демократиями (Англией, Францией) использовать фактор “прав и свобод человека” и разрешил в гл. 10 новой Конституции СССР включить права и свободы советских граждан.

Однако, полагаем, что этот чисто формальный поворот сталинского режима в сторону “прав человека” был принят во внимание Карадже-Искровым: субъективные публичные права советских граждан трактовались в тюбингенском Ежегоднике как неперемнная часть статуса советского гражданина, что и было зафиксировано в Конституции 1936 г. Вот что он писал: “Хотя у нас индивид является лишь средством достижения государственных целей, маленьким винтиком государственного механизма, нельзя согласиться с мнением, в соответствии с которым считается, что субъективные публичные права частных лиц являются невозможными по советскому праву.., на основании советского права мы будем вынуждены признать наличие у частных лиц субъективных публичных прав. В качестве примера субъективных публичных прав частного лица можно назвать его избирательное право, право на использование национального языка в процессе общения с государственными органами, свободу вероисповедания, различные притязания в сфере социального страхования, социального обеспечения и пользования землей”²⁴.

В монографии Карадже-Искрова содержалось еще одно положение, которое касалось места Коммунистической партии в Советском государстве и приводило в негодование авторов рецензии. Известно, что политические партии создаются и формируются для прихода к власти

²⁰ См.: *ibid.* S. 351 (номер страницы совпадает с номером оригинала).

²¹ Принимаю все замечания, сделанные в мой адрес проф. Р.С. Мельником в его статье о Карадже-Искрове, хотя он сам как исследователь далеко не ушел, анализируя тюбингенскую монографию (см.: *Мельник Р.С.* Новый взгляд на старую статью (К анализу научного наследия выдающегося ученого-административиста Н.П. Карадже-Искрова) // *Административное право и процесс.* 2016. № 2. С. 43).

²² См.: *Jahrbuch des öffentlichen Recht.* Band 23. S. 185–189.

²³ См.: *Б.Р.С.* Административное право в фашистском изложении // *Сов. государство.* 1937. № 3–4. С. 126, 128.

²⁴ *Jahrbuch des öffentlichen Recht.* Band 23. S. 185–189.

конституционным путем. Отмечая, что Коммунистическая партия играет ведущую роль в стране, автор во второй части § 5 тюрингенского сочинения писал: “Это – единственная политическая партия. Однако законодательно это никак не закреплено. Аналога закону германского рейха от 14.07.1933 г. “О запрете на создание новых партий”, которым признается существование только одной политической партии и не допускается под угрозой наказания создание новых партий... В ведущих учебниках по публичному праву таких авторов, как Стучка, Малицкий и Берман Коммунистическая партия как часть советского государства вообще не упоминается”²⁵. В 1937 г. рецензенты побоялись открыто критиковать эти рассуждения в главном юридическом журнале страны, но зато дали повод назвать их “фашистским изложением”.

Представленный материал позволяет высказать некоторые предположения о “деле Карадже-Исрова” и сказать о ранее неизвестных фактах.

1. На наш взгляд, рецензия, опубликованная в журнале “Советское государство” за 1937 г., была направлена в первую очередь против бывшего руководителя Института советского строительства и права Е.Б. Пашуканиса. Сталин, используя умственный потенциал отдельных наиболее образованных представителей правящей большевистской элиты, одновременно зачищал ее, освобождаясь, как тогда говорили в печати, от “троцкистских” кадров. Пашуканис был арестован 20 января 1937 г.²⁶, а уже в мартовско-апрельском номере журнала “Советское государство” за этот год были напечатаны статья А.Я. Вышинского, направленная против Пашуканиса с его “приспешниками”²⁷, и параллельно пресловутая рецензия против тюрингенской монографии Карадже-Исрова. И статья, и рецензия были написаны синхронно в целях очернения каждого из них, но прежде всего Пашуканиса.

2. По нашему мнению, данная рецензия – далеко не добровольная, написанная под сильным нажимом тремя научными сотрудниками Института права Академии наук по просьбе А.Я. Вышинского, который в это время занимал должность Генерального прокурора страны и по совместительству – директора Института права, по сути, заменив Пашуканиса. Первый и главный рецензент – С.М. Берцинский, знающий ученый-ад-

министративист, отлично владеющий немецким, получивший высшее образование до 1917 г. В его биографии имелись стороны, которые делали его управляемым для властей. Полагаем, что эта небольшая по объему рецензия была написана им²⁸.

Второй рецензент – известный криминолог 20–30-х годов Г.К. Рогинский, автор книг по уголовному праву и комментатор Уголовного кодекса 1928 г. Третий – еще не известный в науке молодой ученый С.С. Студеникин, в будущем профессор и доктор юридических наук, автор ряда учебников по советскому административному праву. Можно предполагать, что эти рецензенты играли роль статистов в обойме букв – фамилий и их привлекли просто ради “числа”.

3. Возникает вопрос: почему Карадже-Исров, публикуя свои работы в различных странах Европы, направил монографию в Германию, в тюрингенский “Ежегодник публичного права”? Здесь без гипотез не обойтись. Следует иметь в виду, что национал-социалисты, пришедшие к власти в 1933 г., искореняя коммунистическое движение внутри Германии, проводили мощную пропагандистскую кампанию против СССР, повторяя постоянно, что советские граждане не имеют прав, имеют одни только обязанности и живут в большом концлагере от Владивостока до Бреста. Отсюда нельзя исключать того, что монография Карадже-Исрова была написана по просьбе наркомата юстиции, в котором Пашуканис с середины 30-х годов занимал должность заместителя наркома и отвечал за то, чтобы репутация Советского государства в контексте “прав и свобод граждан” выглядела в глазах Западной Европы, и прежде всего Германии, прилично. К тому же в Германии и других западноевропейских странах с 1935 г. начали печататься фрагменты книги Ив. Солоневича “Россия в концлагере”.

Карадже-Исров не поступился научной честностью и не приукрасил советской действительности, сказав о правах советских граждан так: да, они не сравнимы с правами и свободами в странах западной демократии, но они есть и реализуются.

4. Рецензия на монографию Карадже-Исрова, опубликованная в журнале “Советское государство” за 1937 г., осложнила его дальнейшую жизнь и, образно говоря, напоявила бомбу замедленного действия, положенную на стол ученого. Но его не тронули, не арестовали, хотя именно в 1937 г. маховик террора набирал мощные обороты. Эту ситуацию трудно объяснить. Скорее всего это подтверждает нашу версию на-

²⁵ Ibid. S. 169.

²⁶ См.: Мамут Л.С. Пашуканис Е.Б. // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 493.

²⁷ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Сов. государство. 1937. № 3–4. С. 36–40.

²⁸ См.: Библиография работ С.М. Берцинского, составленная автором (в рукописи). М., 1953.

писания скандальной рецензии: она была инструментом в политической игре Вышинского против Пашуканиса, и работа Карадже-Искова была использована в этих целях. Другой довод: Карадже-Исков прекрасно знал основные европейские языки, основательно разбирался в законодательстве большинства европейских стран и, естественно, мог оказать неоценимые услуги государству в чрезвычайных обстоятельствах, особенно в условиях войны. Между тем война маячила на политическом горизонте.

Научная деятельность в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Карадже-Исков стойчески перенес разразившуюся над ним бурю после опубликования рецензии Берцинского и К^о, но это событие не прошло для него бесследно: оно увеличило дистанцию между ним и научной юридической средой, внесло определенную настороженность коллег в общении с ним. Он по-прежнему много работает как ученый-административист. Николаю Павловичу уже за сорок, но он еще не имеет ученой степени. Между тем в СССР с середины 30-х годов разрешена защита кандидатских и докторских диссертаций. Пользуясь свободным временем, Карадже-Исков работает над кандидатской диссертацией на тему “Должностное лицо де-факто”.

Короткий в четыре года период во время войны с гитлеровской Германией был для Николая Павловича, пожалуй, самым спокойным и плодотворным в научном отношении. Успешная защита кандидатской диссертации в Московском университете в 1942 г. принесла определенные практические результаты²⁹. Он был, наконец, принят на должность старшего научного сотрудника в Институт права АН СССР, а в 1946 г. – на полставки в престижный Институт внешней торговли. В Институте права тогда работали такие видные ученые, как М. М. Агарков, И. Н. Ананов, М. Д. Загряцков, Н. Н. Галанза, Б. С. Маньковский, Н. Н. Полянский, И. П. Трайнин, А. М. Трайнин и др. Обстановка была творческой и стимулировала к интенсивной научной работе. Режим с его садистской подозрительностью, умевший с большим мастерством через парткомы и ученые советы держать каждого ученого под контролем, как будто оставил Карадже-Искова в покое. Отношения с руководством Института в военный период складывались внешне благополучно. Юридические знания, прежде всего те, которыми обладал, быть может, только он один, руковод-

ство “выжимало” из него по максимуму. Карадже-Исков выполняет ряд работ по специальным заданиям для правительственных органов, причем эти работы получали неизменно высокую оценку. Так, в 1945 г. Управлением по обеспечению инвалидов и семей военнослужащих при Правительстве СССР ему было поручено написание обзорной работы на тему “Законодательство США, Англии, Франции, Германии и Италии об обеспечении инвалидов войны и семей погибших военнослужащих”³⁰.

По заказу руководства Института права Карадже-Исковым были подготовлены монографии по актуальным проблемам государственного и административного права. Вот их перечень: “Государственный строй Румынии (1940 г., 7 п.л.); “Механизм государственного управления Италии” (1941 г., 8 п.л.); “Административное право и его наука в Англии и США” (1944 г., 3 п.л.); “Пользование публичными вещами и услугами учреждений в советском административном праве” (1944 г., 15 п.л.); “Административное право Франции” (1945 г., 10 п.л.); “Система советского административного права” (1946 г., 8 п.л.); “Недействительность административных актов” (1945 г., 4 п.л.); “Государственная служба в важнейших иностранных державах” (1946 г., 4 п.л.); “Основные институты административного права США” (1947 г., 13 п.л.)³¹. Как можно видеть, первая половина 40-х годов – это полоса большого творческого подъема, когда ученым были созданы оригинальные работы по советскому и зарубежному административному праву. В характеристике, подписанной И. П. Трайниным и А. Е. Пашерстником, которую Карадже-Исков получил в 1946 г. для поступления на полставки в Институт внешней торговли, было сказано: “За время работы в Институте тов. Карадже-Исков проявил себя знающим и эрудированным сотрудником в области государственного и административного права, хорошо знающим практику и иностранную литературу”³².

Но Николай Павлович был по-прежнему “чужой среди своих”: ни одно из написанных сочинений во время работы в Институте права не было рекомендовано сектором государственного права к опубликованию, не увидело книжной полки и не попало в руки читателя. На пути к издательству автор постоянно встречал шлагбаум, кото-

²⁹ См.: *Карадже-Исков Н. П.* Должностное лицо де-факто. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1942.

³⁰ Архив ИГП РАН. Личное дело Н. П. Карадже-Искова. Л. 32, 33.

³¹ См.: там же. Л. 32.

³² Там же.

рый ставили руководство Института и члены сектора во главе с его заведующим И. П. Трайниным.

Правда, в отдельных случаях Николаю Павловичу разрешалось выступать на заседании сектора с докладом по одной из монографий с опубликованием фрагментов доклада в журнале “Советское государство и право”. Приведем несколько примеров, они интересны для читателя.

В марте 1946 г. на объединенном заседании научных сотрудников судебного сектора и группы административного права сектора государственного права Института права АН СССР Карадже-Искров выступил с докладом на тему “Недействительный административный акт и пределы его обязательности для суда”.

Основное требование, по словам докладчика, предъявляемое к административному акту, – его законность. Отступление от этого начала превращает административный акт в недействительный. Карадже-Искров различает пять пороков (дефектов) административных актов: нарушение компетенции; нарушение формы; нарушение закона; использование полномочий не для той цели, для которой они предназначены (“отклонение власти”); обман со стороны заинтересованного лица.

С особым вниманием автор анализирует первый порок – нарушение компетенции. Некомпетентность данного учреждения в совершении того или иного акта означает, что принять данный акт компетентен другой подзаконный орган. Основными видами нарушения компетенции являются: издание подчиненным органом акта, относящегося к компетенции вышестоящего органа; незаконное делегирование компетенции вышестоящим органом нижестоящему; нарушение пространственной компетенции; издание органом управления акта, относящегося к компетенции суда. Данная работа Карадже-Искова, в которой был дан тщательный анализ собранного нормативного материала и материала судебной практики, могла сыграть важную роль в развитии науки административного права, если бы она была опубликована. В ней, кстати, был смело поставлен вопрос о праве судов проверять законность административных актов³³. Анализируя проблему недействительного административного акта, Карадже-Искров как всегда исследует аспекты совершенно новые, не исследованные в науке.

Отлично зная американское административное право и имея хорошее представление об американской науке права, Николай Павлович часто

выступал в качестве неофициального оппонента на защите диссертации и задолго до работ проф. В. Е. Чиркина мог говорить о юридических лицах публичного права в системе субъектов административного права либо удивлять аудиторию знаниями о “мягком праве”³⁴. По воспоминаниям историка права проф. Е. А. Скрипилёва, в молодые годы не один раз слушавшего Карадже-Искова в Институте права, последний говорил в прениях спокойно, логично, с некоторым светским шармом, причем в отдельных случаях поправлял известного ученого, чем вызывал к себе скрытую неприязнь и чувство, про которое Ф. Бэкон сказал: “В зависти всегда есть сравнение”.

В апреле 1946 г. Николай Павлович выступил на заседании сектора теории государства и права с обзором англо-американской литературы по теории права, который был опубликован в том же году³⁵. Автор в этом обзоре, к слову сказать, не потонул в огромном теоретическом материале, но ограничился анализом наиболее характерных и типичных правовых учений, идущих от позитивизма и аналитической школы Дж. Остина, с одной стороны, и американской социологической и реалистической школы, – с другой. Карадже-Искров дает хорошее представление о современной ему англо-американской юриспруденции, анализируя сжато, но выразительно работы Салмонда, Когена, Паунда, Ллевелина, Д. Франка, Холмса и др. Этот обзор напоминает хорошую цветную фотографию того, что имелось самого значительного и интересного в теории права таких стран, как Англия и США. Вызывает удивление тот факт, что указанный обзор, написанный совершенно в несоветской манере, был опубликован в ведущем юридическом журнале именно в том году, который послужил началом холодной войны между ведущими державами мира.

В ноябре 1947 г. на заседании сектора гражданского права Института права АН СССР Карадже-Исковым был сделан интересный доклад на тему “Судебный прецедент в США”. Правда, первым докладчиком выступила известная цивилист В. И. Каминская. Но если доклад Каминской кратко был освещен в рубрике “Хроника научной жизни” журнала “Советское государство и право” (1948. № 2), то о докладе Николая Павловича было только упомянуто, но его содержание опущено. Зато достаточно подробно изложен контрдоклад

³³ См.: Недействительный административный акт // Сов. гос. и право. 1946. № 5–6. С. 73, 74.

³⁴ Демин А. В. К вопросу о переносе концепции “мягкого права” на уровень национальных правовых систем // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 4.

³⁵ См.: Карадже-Искров Н. П. Современная англо-американская литература по теории права // Сов. гос. и право. 1946. № 5–6.

Н.Н. Полянского, по содержанию толковый, но подстраховочный. Не прямо, но опосредованно критикуя Карадже-Искрова, Полянский указал на то, что перед докладчиком ставилась “задача не просто ознакомления с иностранным правом, но обнаружения его существа как права, отражающего в себе природу эксплуататорского государства”³⁶.

В круге первом. Во второй половине 40-х годов с возникновением “холодной войны” между СССР и США сталинский режим с целью укрепления своего положения в стране снова прибегнул к испытанному набору средств – нагнетанию страха, идеологической истерии и прямому террору. Постановления Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г.³⁷ и Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба”» В. Мурадели от 10 февраля 1948 г.³⁸, выступление по указанию И.В. Сталина главного идеолога страны А.А. Жданова на философской дискуссии по книге Г.Ф. Александрова “История западноевропейской философии” в 1947 г.³⁹ явились сигналом для поисков идеологических противников среди ученых и деятелей культуры. В вузах, научно-исследовательских институтах и учреждениях культуры по решению парткомов создавались комиссии по проверке мировоззрения работников.

Подобный поворот событий заставил руководство Института права АН СССР обратить внимание на Карадже-Искрова, не поступившегося своими убеждениями, сохранившего независимость в научных исследованиях и писавшего работы без сносок на “классиков марксизма-ленинизма”. Хотя руководители Института права высоко ценили его как специалиста и прекрасного знатока европейского и американского права, но они также ценили собственное положение и советскую марку Института. Для них в 1947–1948 гг. фигура этого ученого становится “*persona non grata*”. Сейчас трудно восстановить события, которые произошли в Институте права АН СССР в 1947–1948 гг., заставившие Карадже-Искрова написать заявление об увольнении по собственному желанию. Живые черты трудовой и личной жизни ученого, связанные с этим учреждением, утрачены и невозможны. Люди, помнящие

Карадже-Искрова и работавшие вместе с ним или сразу после его ухода (Ц.А. Ямпольская, Р.О. Халфина, Б.В. Чхиквадзе), с которыми мы пытались встретиться в первой половине 90-х годов, уклонились от разговора на эту тему. Документы личного дела ученого, хранящиеся в архиве Института, показывают, что 7 апреля 1948 г. он написал заявление с просьбой освободить его от работы, и просьба была удовлетворена. Бумаги личного дела также свидетельствуют, что уже после увольнения Карадже-Искров получил служебную характеристику, подписанную директором Института Е.А. Коровиным и председателем месткома А.Е. Пашерстником. В положительной характеристике указывалось, что Карадже-Искров взысканиям не подвергался, был однажды премирован за хорошую работу в сумме 1500 руб. и получил благодарность в приказе по Институту за участие в избирательной кампании 1946 г.⁴⁰ Однако мы знаем, что в советское время “неудобным” работникам выдавались нередко положительные характеристики по формуле: “уходи по-хорошему”. Вообще в личном деле Карадже-Искрова отсутствуют документы, которые свидетельствовали бы о его служебных неприятностях и травле. Некоторый свет на события, происходившие в Институте права АН СССР в 1947–1948 гг., проливают документы другого личного дела Карадже-Искрова, заведенного отделом кадров Института внешней торговли и хранившегося в 90-е годы в архиве Министерства внешнеэкономических связей РФ. В справке о работе доцента Н.П. Карадже-Искрова в Институте внешней торговли, написанной начальником отдела кадров Института Н.Р. Акаба в августе 1949 г., говорилось: “По имеющимся у нас сведениям Искров в апреле 1948 г. был уволен из Института права по указаниям комиссии парторганов, проверявшей тогда работу и аппарат научных работников упомянутого Института, хотя формула увольнения гласила: “по собственному желанию”»⁴¹.

Интересную деталь показывает другой документ из названного личного дела – письменное объяснение, которое дал Карадже-Искров в марте 1949 г. тому же Н.Р. Акаба по поводу “неприятностей” в Институте права. В объяснении указывалось, что инициатором травли был В.Ф. Коток, постоянно поднимавший на заседаниях Ученого совета вопрос об ошибках Карадже-Искрова

³⁶ Хроника научной жизни. В Институте права АН СССР // Там же. 1948. № 2. С. 74–76.

³⁷ См.: Правда. 1946. 21 авг.

³⁸ См.: там же. 1948. 11 февр.

³⁹ См.: Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова “История западноевропейской философии” 24 июня 1947 г. М., 1947.

⁴⁰ См.: Архив ИГП РАН. Личное дело Н.П. Карадже-Искрова. Л. 28.

⁴¹ Архив Министерства внешнеэкономических связей РФ. Личное дело № 1801. Карадже-Искров Н.П. Л. 20.

в 1926–1936 гг. с целью отвести удар от самого себя и от академика И.П. Трайнина. “Инициатива тов. Котока, – писал Карадже-Искров, – не получила поддержки ни в Институте права, ни в других местах (ВЮА, ВИЮН, Академия общественных наук). Да это и понятно, т.к. она была вызвана: 1) личными счетами (воспоминанием о моем выступлении на защите его диссертации); 2) стремлением отвлечь совещание от ошибок академика И.П. Трайнина, которые поддерживает сам тов. Коток”⁴².

Увольнение из Института права тяжело сказалось на душевном состоянии Карадже-Искурова: осложняло материальное положение, к тому же никто за него не заступился, даже те, кто относился дружески. Но в запасе оставалась работа на полставки в Институте внешней торговли, где дела Николая Павловича шли хорошо. За отличное руководство научной работой студентов ему были приказом ректора Института И.С. Потапова объявлены в 1947–1948 гг. две благодарности и присуждена медаль. В приказе директора Института внешней торговли А.А. Змеула от 25 ноября 1948 г. Карадже-Искрову была объявлена благодарность за хорошее руководство работой студентов и отличное качество докладов на проходившей в Институте конференции по проблемам стран народной демократии. В приказе отмечался высокий теоретический уровень конференции⁴³.

В феврале 1948 г. Карадже-Искров переводится на полную ставку доцента с окладом 3200 руб. в месяц, как имеющий стаж педагогической работы в вузах свыше 10 лет⁴⁴. В январе 1949 г. он получает подписанную директором, секретарем партбюро и председателем месткома Института характеристику для представления в Московский государственный университет в связи с намечающейся защитой диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. В характеристике отмечалось, что Карадже-Искров “пользуется уважением и любовью со стороны студентов”, ведет “обширную научно-исследовательскую работу”.

К сожалению, защитить докторскую диссертацию ученому не удалось. Думаем, сыграли роль разные факторы. Во-первых, недоброжелатели из Института права, желавшие помешать защите, посчитали необходимым сообщить руководству Института внешней торговли об увольнении Карадже-Искурова из Института права с негатив-

ной оценкой его работ, изданных в 1927–1936 гг., и о скандальной рецензии в 1937 г. Во-вторых, в марте 1948 г. газета “Правда”, а также “Культура и жизнь” развязали кампанию по разгрому космополитизма, наносившего вред патриотическому воспитанию советских людей. Официальная идеология приобретала окраску патриотизма, советского по существу, но с русским покрытием. Скажем по-другому: тонкий слой “русскости” ложился в стране на фундаментальный 30-летний марксистский грунт.

В марте-апреле 1949 г. кампания захлестнула все учебные, научно-исследовательские и культурные учреждения страны. Болезненный истеричный характер она приняла в Институте внешней торговли, где жесткой критике подверглись профессора еврейской национальности: Н.С. Гурвич, Л.А. Лунц, Е.А. Флейшниц, и особенно Карадже-Искров, хотя последний был русским, но его легко можно было “подставить” и принести в жертву Молоху идеологии, напомнив о “прегрешениях” 20–30-х годов. 5 апреля 1949 г. состоялось объединенное заседание правовых кафедр юридического факультета Института внешней торговли, на котором выступавшие ставили в вину Карадже-Искрову: 1) опубликование работ в Германии в 30-х годах; 2) умаление роли личности в СССР; 3) космополитизм. Ради справедливости нужно отметить, что на заседании были попытки заступиться за ученого. Известный правовед Н.Г. Александров, работавший в данном Институте заведующим кафедрой теории права, в умеренных тонах критиковал Карадже-Искурова и рекомендовал оставить его на работе как блестящего специалиста по западноевропейскому и американскому законодательству. Защита в его выступлении свелась также к мысли о том, что Николай Павлович занимается научной деятельностью как бы в “башне из слоновой кости” и “не учитывает явлений, которые лежат вне сферы его юридической науки”⁴⁵. И привел пример: “В 1947 г. вышел мой учебник советского трудового права. При встрече Карадже-Искров поздравил меня, но заметил, что впервые 8-часовой рабочий день был принят не в СССР, а в США”. Н.Г. Александров предложил оставить доцента Карадже-Искурова на работе, но “обеспечить соответствующий идеологический контроль”. Однако значительная часть коллектива была настроена против Николая Павловича, следуя в фарватере партийных руководителей Института. Выступавший старший преподаватель кафедры основ марк-

⁴² Там же. Л. 43.

⁴³ См.: там же. Л. 27.

⁴⁴ См.: там же. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Л. 16, 17.

сизма-ленинизма А.Я. Чуранов заключил свою речь словами: “Не место таким людям в нашей стране”.

Вердикт, вынесенный объединенным заседанием правовых кафедр Института, был жестким. “С 1-го сентября 1946 года, – говорилось в решении заседания, – к чтению лекций по иностранному государственному праву привлечен доцент Карадже-Искров, уволенный из Института права АН СССР 10 апреля 1948 г. и не отвечающий требованиям преподавателя нашего Института”⁴⁶.

Последовали организационные меры: сначала Карадже-Искров был переведен на полставки, а в апреле 1949 г. в “связи с отсутствием педагогической нагрузки” на почасовую оплату. В этом же месяце ему были выданы личные документы (трудовая книжка и др.) для поступления на работу в другое учреждение, а также характеристика, копия которой вместе с материалами объединенного заседания была передана прокурору Куйбышевского района г. Москвы⁴⁷.

25 июля 1949 г. директор Института внешней торговли А.А. Змеул, подписавший все характеристики на Карадже-Искрова и приказы, касавшиеся его работы в Институте, выступивший на объединенном заседании 5 апреля с резкими нападка на ученого, составил справку на имя заместителя министра внешней торговли

М.А. Сергейчика, в которой писал: “Докладываю, что вчера в своей квартире покончил жизнь самоубийством бывший преподаватель Института внешней торговли доцент Карадже-Искров Николай Павлович. О причинах, побудивших его к самоубийству, неизвестно”⁴⁸.

Думаем, что по своему мироощущению Николай Павлович был стоиком. Когда-то стоическая философия запретила человеку покидать пост, на который его поставили боги. Как бы ни угнетали тебя зависть и унижения людей, ни давили жизнь и общественный строй, ты не вправе уходить из жизни, пока можешь выполнять свой долг перед людьми и Отечеством. Но “когда ужасы жизни начинают перевешивать собою ужасы смерти”⁴⁹, человек вправе подумать, нужно ли жить дальше. В глазах человека, преследуемого оскорблениями и травлей, мучимого тяжелыми нравственными страданиями, не позволяющими заниматься своим делом, связанное с самоубийством физическое страдание теряет всякое значение.

Карадже-Искров принял смерть в той форме, в какой ее принял философ-стоик Сенека, живший в эпоху Нерона. Жена Карадже-Искрова Стефания Николаевна, француженка по национальности, в 1964 г. уехала во Францию. Оттуда она писала соседям по коммунальной квартире: “Скучаю по России, но здесь чувствую себя спокойно”.

⁴⁶ Там же. Л. 12.

⁴⁷ См.: там же. Л. 17, 18, 20.

⁴⁸ Там же. Л. 21.

⁴⁹ Шопенгауэр А. Собр. соч. Т. 5. М., 2001. С. 241.